

Юрий Владимирович Шахин

Очерки о югославских
информбюровцах

12+

Юрий Шахин

**Очерки о югославских
информбюровцах**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шахин Ю. В.

Очерки о югославских информбюровцах / Ю. В. Шахин —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Автор исследовал социально-политические последствия советско-югославского конфликта 1948-1955 гг. для Югославии. Основное внимание уделяется феномену информбюровцев, которые в той или иной степени поддержали обвинения, выдвинутые против Югославии со стороны Коминформбюро. Автор анализирует различные аспекты политики репрессий, проблему достоверности доступных источников, проявления информбюровской активности, социальную природу движения, оценку информбюровцев в историографии.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Юрий Шахин

Очерки о югославских информбюровцах

рецензенты:

доктор истории Эна Миркович, Институт сербской культуры – Приштина/Лепосавич
доктор полит. наук, профессор кафедры «Политология и международные отношения»

ИОНМО А.А. Чемшит

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1945 г. к власти в Югославии пришли местные сталинисты. Компартия Югославии возглавила народно-освободительное движение в годы второй мировой войны, приобрела колоссальный авторитет и массовую поддержку, а после окончания войны закрепила свое монопольное положение в политической системе. Новая Югославия стала важным союзником СССР на Балканах, югославские сталинисты ускоренно заимствовали советский опыт и гордились, что в этом опережают все другие страны Европы. Казалось, Югославии и СССР суждена длительная и прочная дружба, но в 1948 г. отношения двух стран внезапно и резко ухудшились.

В результате возникших трений советское руководство обвинило лидеров Югославии в оппортунистических ошибках и националистическом перерождении, а затем попыталось их сместить, организовав кампанию комплексного давления. Открытый конфликт в отношениях двух стран начался летом 1948 г., когда Югославию подвергли критике на заседании Коммунистического информационного бюро, и пошел на убыль только после смерти Сталина в 1953 г. Конфликт с СССР вызвал в Югославии разнообразные проблемы, часть из которых носила социально-политический характер. Все предшествующие годы югославские сталинисты воспитывали у масс веру в величие и непогрешимость Сталина. Когда начался конфликт, и Сталин осудил руководство Коммунистической партии Югославии, далеко не всем членам партии было ясно, как можно поддержать свое партийное руководство против советского вождя. Кроме того, в КПЮ в это время шел процесс бюрократического перерождения, когда из вчерашних рабочих и крестьян формировалась номенклатурная верхушка, политика которой приносила трудящимся классам массу неприятностей. Объективное недовольство внутренними процессами и субъективная неготовность переступить через авторитет Сталина толкнули часть югославских сталинистов к поддержке СССР. Так появилось информбюровское движение. Свое имя информбюровцы получили потому, что поддержали резолюцию Коммунистического информационного бюро, осудившую руководителей Югославии.

Югославские сталинисты во главе с Тито увидели в информбюровцах чрезвычайную угрозу. Они считали, что это пятая колонна, которую нужно подавить в зародыше, пока она не нанесла удар в спину. С осени 1948 г. против информбюровцев начались репрессии. Основная волна арестов пришлась на 1949-1951 гг. Обвиняемые в поддержке СССР в основном попадали в лагеря, расстреливали их очень редко. С конца 1980-х гг. выжившие информбюровцы начали публиковать воспоминания о своих мучениях в тюрьмах и лагерях. Эти воспоминания и составляют основной массив доступных опубликованных источников по истории информбюровского движения. Однако этот массив весьма односторонний: он почти не дает представления о работе репрессивного механизма за пределами мест лишения свободы, равно как и о деятельности самих информбюровцев до ареста.

Архивы спецслужб Югославии долгое время были недоступны – лишь в последние годы у историков появилась некоторая возможность в них заглянуть. Особый энтузиазм у исследователя вызывают центральные архивы Управления государственной безопасности, которое по традиции именовали УДБой (Управа државне безбедности – сербскохорв.). Сербские историки

недавно получили к ним доступ и занялись упорядочиванием фонда. Эта работа обещает быть длительной, хотя и приносит уже первые плоды¹, поэтому основными источниками данных по деятельности информбюровцев и их преследованию все еще остаются документы партийного происхождения. В основном на них автор и опирается в своих исследованиях.

В истории советско-югославского конфликта и информбюровцев еще остается много невыясненных вопросов. Каков был механизм репрессий? Каковы их истинные масштабы? Сколько было настоящих информбюровцев? Чем они занимались на свободе? Кем они были по социальному составу? Какие социальные причины толкали их на противостояние режиму Тито? Что об этом думали югославские ученые, и какая картина открывается в свете новых опубликованных данных? Есть ли у информбюровцев какая-то региональная специфика? Существуют ли у них последователи сейчас? На эти и многие другие вопросы предпринята попытка ответить в данной книге. Она состоит из тематических очерков, которые писались не сразу, а в разное время, поэтому читатель может встретить в них незначительные повторы отдельных фактов и оценок.

Поскольку в центре нашего внимания находится не вся история Югославии, а лишь одна из ее составляющих, необходимо хотя бы несколькими штрихами обозначить общий исторический фон событий. После второй мировой войны Югославия стала федеративным государством и официально называлась Федеративная народная республика Югославия. В 1963 г. по новой конституции она сменила название на Социалистическую федеративную республику Югославию. Федерация состояла из шести республик: Сербии, Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Черногории. С 1945 по 1990 г. в Югославии была единственная правящая партия. Первоначально она называлась Коммунистической партией Югославии, а с 1952 г. Союзом коммунистов Югославии. Сменив имя, партия изменила название руководящего органа. До 1952 г. из состава ЦК избиралось Политбюро, а с 1952 г. – Исполнительный комитет. Лидером партии, несмотря на все переименования, бесменно оставался Йосип Броз-Тито, скончавшийся в 1980 г., не дожив нескольких дней до 88 лет. К 1945 г. в составе КПЮ были две региональные партии – компартия Словении и компартия Хорватии. В дальнейшем такие партии были созданы во всех республиках страны.

В первые послевоенные годы наряду с КПЮ действовало несколько мелких союзнических партий. Однако правящая партия сумела растворить их в широкой массовой организации – Народном фронте, и после 1947 г. деятельность союзнических партий не прослеживается. А вот Народный фронт сохранился, получив в 1953 г. новое имя – Социалистический союз трудового народа Югославии.

Сразу после второй мировой войны КПЮ строила социализм по-сталински. Затем, в ходе советско-югославского конфликта, партийное руководство переосмыслило свои взгляды и с 1950 г. развернуло строительство особой системы – самоуправленческого социализма. Впрочем, говоря о социализме, нужно различать идеологические этикетки и те реальные общественные отношения, которые за ними скрывались. По нашему твердому убеждению в Югославии и СССР получился не социализм, а различные модификации государственного капитализма. Это обстоятельство особенно нужно учитывать для понимания авторской позиции, когда мы будем говорить о социальных аспектах информбюровского движения.

Разрыв между официальной идеологией и реальным характером общественных отношений объясняется особым путем формирования обществ советского типа. В СССР и Югославии ему предшествовал приход к власти рабочих и крестьян. Но уровень развития капитализма в обоих случаях был недостаточен, чтобы трудящиеся классы могли использовать свое политическое господство для преодоления капиталистических порядков и утверждения

¹ Митровић М. Логораши умрли на Голом Отоку у периоду 1948–1958. године // Токови историје. – 2013. – № 3. – С. 289-330.

социализма. Рабоче-крестьянская власть быстро деградировала, и ей на смену пришла диктатура партийно-государственной бюрократии, которая вводила классовые отношения в новой форме. Как раз в тот момент, когда реальная власть безвозвратно ускользнула из рук рабочих и крестьян Югославии, и начался советско-югославский конфликт.

ПРИЧИНЫ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОГО КОНФЛИКТА

О советско-югославском конфликте на сегодняшний день уже написано очень много. Но тридцать лет назад он был для советских историков белым пятном. После восстановления отношений с Югославией на эту тему было наложено табу. В итоге, когда перестройка позволила взяться за неисследованный вопрос, советские историки оказались в невольной зависимости от своих югославских коллег. Они, в отличие от наших ученых, выработали определенную концепцию для осмысления событий 1948 г., и, за неимением своей, советские историки вынуждены были на нее опереться. Между тем, сложившийся в Югославии подход к причинам конфликта, имел одну особенность: его внимание концентрировалось на ответственности СССР и Сталина. В исторической науке твердо установлено, что инициатива конфликта исходила от СССР, но любой конфликт предполагает столкновение позиций двух и более сторон, и потому нужно также понимать, что двигало Югославией.

Отголоски одностороннего подхода к причинам советско-югославского конфликта до сих пор прослеживаются в историографии. Данный раздел призван их уменьшить и делает акцент главным образом на югославских мотивах вступления в конфликт. А поскольку решение о сопротивлении Советскому Союзу приняло высшее руководство КПЮ, вопрос этот можно разобрать в первую очередь с опорой на протоколы заседаний Политбюро югославского ЦК. Но они длительное время не привлекали должного внимания историков.

Протоколов, имеющих отношение к возникновению советско-югославского конфликта, на сегодняшний день известно пять. Первую публикацию одного из них осуществил в 1984 г. югославский историк Владимир Дедиер в книге «Новые дополнения к биографии Й.Броз-Тито». Дедиер издал протокол расширенного заседания Политбюро ЦК КПЮ от 1 марта 1948 г. Это один из наиболее важных протоколов, касающихся конфликта с Советским Союзом².

Особенность этой публикации заключается том, что оригинал текста подвергся существенной редакторской правке. В большинстве случаев редактор, похоже, руководствовался стремлением сделать текст более легким для восприятия. Однако в результате произошла интерпретация текста, которая привнесла некоторые новые смыслы и исказила старые. Например, вместо выражения «наверх» было последовательно написано «в Москву». Читатель избавлялся от необходимости гадать о каком верхе идет речь, но при этом он не мог узнать, как Политбюро ЦК КПЮ воспринимало в то время руководителей СССР. Для придания тексту связности были произвольно переставлены некоторые фрагменты, вставлены дополнительные слова, которых нет в оригинале и т.д. Значительная часть протокола в версии Дедиера была подробно пересказана советским историком Ю.С.Гиренко³. При этом пересказ сопровождался обширными цитатами. Благодаря этому отечественный читатель может получить представление о данном документе.

Следующая попытка использовать данные протоколов Политбюро ЦК КПЮ при изучении советско-югославского конфликта была предпринята Л.Я.Гибианским. В предисловии к публикации секретной советско-югославской переписки он впервые пишет о протоколе заседания Политбюро от 19 февраля 1948 г.: «До сих пор об этом заседании нигде не упоминалось»⁴. Указав, что на этом заседании впервые был поставлен вопрос отношений Югославии с

² Dedijer V. Novi prilozici za biografiju Josipa Broza Tita. – Beograd, 1984. – Т.3. – С.303-308.

³ Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. – М., 1991. – С.343-346.

⁴ Секретная советско-югославская переписка // Вопросы истории. – 1992. – №4-5. – С.122.

СССР, и что данное заседание приняло решения, которые были лишь подтверждены 1 марта 1948 г., Л.Я.Гибианский более на данном документе не останавливается, что и не удивительно. Его целью был источниковедческий анализ советско-югославской переписки, а не изучение протоколов Политбюро.

Тем временем, крупнейший югославский специалист по истории послевоенной Югославии, Бранко Петранович, сумел добиться первой научной публикации всех протоколов заседаний Политбюро ЦК КПЮ за 1945-1948 гг., предшествующих V съезду КПЮ. Хотя текст публикации Б.Петранович подготовил еще в 1983 г., по политическим соображениям издание постоянно откладывалось⁵. Публикация состоялась только в 1995 г. – на следующий год после его смерти.

Особое достоинство этого издания – приложение с факсимиле протоколов. Оно позволяет сверять оригиналы с интерпретацией Б.Петрановича, напечатанной в основной части книги. Впрочем, во многих случаях качество воспроизведения факсимиле заставляет желать лучшего, что не в последнюю очередь объясняется состоянием подлинников – записи велись в основном карандашом.

Таким образом, начиная с 1995 г., протоколы заседаний Политбюро теоретически стали доступны для всех исследователей, владеющих сербохорватским языком. Однако в период правления Милошевича Югославия находилась в относительной международной изоляции, поэтому публикация длительное время оставалась незамеченной как в российской, так и в украинской исторической науке, единственным исключением был Л.Я.Гибианский⁶.

Обзор истории вопроса показывает, что историки, как в советское время, так и в наши дни, слабо использовали протоколы Политбюро ЦК КПЮ как источник по истории советско-югославского конфликта. В историографии имеется упоминание только о двух из пяти существующих. Сами эти упоминания носят во многом описательный характер. Теперь перейдем к характеристике проблем, которые возникают в этой связи.

Вопрос советско-югославских отношений впервые рассматривался на заседании Политбюро ЦК КПЮ 19 февраля 1948 г., хотя разногласия с СССР, непосредственно приведшие к конфликту, обозначились уже в августе 1947 г. Тогда Югославия и Болгария достигли соглашения о союзе, и их руководители проговорились о нем публично, а по мнению Сталина это было несвоевременно. В декабре 1947 г. покончил самоубийством один из руководителей Албании Нако Спиру. В предсмертной записке вину за свой поступок он возложил на Югославию. Сталин выразил недовольство югославской политикой в Албании. Потом в январе 1948 г., Тито принял решение послать в Албанию югославскую дивизию. Правительство СССР он в известность не поставил, в связи с чем В.М.Молотов выразил резкое недовольство и вызвал в Москву югославскую делегацию, утверждая, что во внешней политике между Югославией и СССР есть серьезные расхождения. Но в Политбюро ЦК КПЮ так не думали. Вплоть до возвращения югославской делегации из Москвы, шокированной оказанным ей приемом, оно не считало необходимым рассматривать вопрос отношений с СССР.

Впрочем, позднее появление таких сведений в протоколах может иметь чисто техническую причину. Как пишет Б.Петранович, по свидетельству одного из членов ЦК КПЮ С.Вукмановича-Темпо механизм принятия решений в высшем партийно-государственном руководстве отнюдь не требовал жесткого формализма: «Реальные решения принимались у Тито. Решения принимались между партиями бильярда или просмотром фильма. На неформальных встречах узкого руководства присутствовали кроме Тито Э.Кардель, М.Джилас, А.Ранкович, Коча Попович (хотя и не был членом Политбюро)... Второй способ принятия решений

⁵ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948). – Beograd, 1995. – S.XVI.

⁶ Гибианский Л.Я. Формирование советской блоковой политики // Холодная война . 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. – М., 2003. – С.179, 185.

согласно тому же источнику заключался в решении определенного вопроса на непосредственных встречах Тито с соответствующим ответственным руководителем»⁷. К тому же в Политбюро не было четкой системы протоколирования заседаний. Потому сохранившиеся протоколы не могут отражать всей полноты картины. Так или иначе, в текстах протоколов, которыми располагают на сегодняшний день исследователи, первое упоминание о разногласиях Югославии с СССР относится к 19 февраля 1948 г.

Разумеется, из этого не следует, что в руководстве КПЮ могли что-то злоумышлять против СССР, скрывая это до поры до времени. В протоколах, как и в других известных источниках, не содержится ни малейшего намека на подобного рода планы. Более того, на сегодняшний день можно считать однозначно установленным, что инициатива начала и эскалации конфликта полностью принадлежала Сталину и его окружению. Однако конфликт предполагает, что действие одной стороны наталкивается на противодействие другой. И здесь протокол заседания Политбюро от 19 февраля 1948 г. дает четкую информацию, что такое противодействие возникло. Члены Политбюро проигнорировали сталинские указания о корректировке внешнеполитического курса Югославии. Л.Я.Гибианский специально подчеркивает необычность поведения югославского руководства после критики, которой подверг его Сталин 10 февраля 1948 г.: «Это было беспрецедентным. Поползновения к тому, чтобы действовать явочным порядком без консультаций с Москвой, проявлялись у югославов и прежде, в тех случаях, когда они считали необходимыми какие-то решения, по поводу которых, однако, заранее предполагали негативную советскую реакцию. Но такое поведение не выходило, как правило, за рамки традиционных отношений между начальником и подчиненным: допуская в своих специфических интересах, когда возможно, некоторые вольности за спиной первого, второй в то же время соблюдает в целом субординацию, оставаясь субъектом иерархической системы. На сей же раз Белград, получив прямые указания Сталина, пошел на их нарушение вопреки иерархии в советском блоке»⁸.

Протокол заседания Политбюро от 19 февраля убедительно демонстрирует, что вожди Югославии не собирались воспринимать указания Сталина как руководство к действию. Разногласия из-за отправки войск в Албанию Тито оценил как «небольшой просчет» Югославии, от федерации с Болгарией отказался, более того, заявил: «Мы должны быть упорны в отношении нашей линии, в отношении укрепления роли Югославии в мире, что в конечном счете и в интересах СССР». Помимо этого Тито предложил ответные шаги по отношению к Советскому Союзу: «Не посылать людей на обучение в СССР»⁹. Таким образом, советское действие впервые столкнулось с югославским противодействием.

В советской и современной российской историографии до сих пор преимущественное внимание обращают на причины советского действия, фиксируют связь советской политики в отношении Югославии с общим обострением «холодной войны», исходными идейно-политическими постулатами советской внешней политики, обращают внимание на неизученные аспекты ее формирования. Но в отношении позиции Югославии могут в лучшем случае напомнить точку зрения официальной югославской историографии, что конфликт возник из-за разного понимания путей развития социализма, и отметить ее односторонность¹⁰. Обращение к протоколам Политбюро ЦК КПЮ позволяет пролить свет на формирование позиции югославского руководства и причины его противодействия Сталину.

В первом протоколе содержится не так уж и много информации о том, что раздражает Тито и его соратников, и это естественно. Ведь Тито исходил из мнения об отсутствии

⁷ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. – S.XIII.

⁸ Гибианский Л.Я. Указ. соч. – С.169.

⁹ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. – S.234.

¹⁰ Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). – М., 2000. – С.190-191; Гибианский Л.Я. Указ. соч. – С.168-169.

серьезных расхождений с СССР. Потому 19 февраля составитель протокола зафиксировал только одну причину возмущения сталинским давлением: «Вопрос экономических отношений с СССР и вооружения нашей Армии. Не ясно, желает ли СССР, чтобы мы были сильной, вооруженной страной. Вооружение это огромное бремя. Мы должны опереться в первую очередь на свои силы, осуществить модификации в Пятилетнем плане и стать способными к строительству военной промышленности»¹¹. Политбюро назначило своего члена Ф.Лескошека ответственным за военную промышленность и похоже решило проводить курс на ее создание не смотря ни на что.

На заседании 1 марта 1948 г. перечень претензий к Советскому Союзу был существенно расширен. Нагнетание конфликта заставило членов Политбюро высказываться более критично. По словам Тито, «они не хотели идти нам навстречу по вопросу вооружения нашей Армии»¹². Аналогичные мысли высказал С.Вукманович-Темпо. Как он считал, по вопросу развития армии в СССР «держат курс, направленный на то, чтобы сделать нас зависимыми от них»¹³. Одним из возражений Тито против федерации с Болгарией была также забота о развитии югославской армии. Как бывшая участница фашистского блока, Болгария подписала мирный договор, ограничивающий ее вооружения. Судя по несколько туманной записи протокола, Тито не хотел, чтобы эти ограничения распространились на армию Югославии¹⁴. Не поименованный в протоколе участник заседания пожаловался, что во время переговоров в Москве о помощи для развития армии «наш военный флот не принимается во внимание»¹⁵. Членам Политбюро также не понравилось, что Советский Союз предлагает сократить армию, что план развития промышленности по советской оценке якобы слишком велик, что в Москве не желают помочь в деле создания авиационной промышленности¹⁶. То же самое неназванное лицо (скорее всего это был Тито) заявило: «У нас должна быть сильная армия – это гарантия независимости»¹⁷.

Исходя из этого постулата, участники заседания рассмотрели возможности самостоятельного развития военной промышленности. Общий итог дискуссии, как обычно бывало, подвел Тито. Он заявил, что основа военной промышленности есть, нужно «ориентироваться только на собственные силы», сделать упор на развитие авиации и сократить программу по флоту, экономить средства и «много жертвовать ради военной промышленности и вооружения», а главное – «наш план не изменится»¹⁸. Еще бы, если сильная армия – залог независимости.

Столь недвусмысленная позиция не должна удивлять. Всего 3 года назад люди, входившие в то время в Политбюро и ЦК, отстаивали независимость и целостность своей страны в суровой и кровопролитной борьбе. Для них взаимосвязь сильной армии и независимости, похоже, была аксиомой. Из этого вытекает вполне естественный вывод: тот, кто препятствует развитию армии, покушается тем самым на независимость Югославии.

Позже, на заседании Политбюро 7 июля 1948 г., т.е. уже после резолюции Коминформбюро, осудившей компартию Югославии, Тито, излагая причины конфликта, первой назвал нежелание Советского Союза помогать созданию югославской армии: «С тех пор как мы приняли Пятилетний план (т.е. с 1947 г. – Ю.Ш.), начались отказы. Обещал Сталин создать воен-

¹¹ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPI. – S.234.

¹² Isto. – S.237.

¹³ Isto. – S.239.

¹⁴ Isto. – S.242.

¹⁵ Isto. – S.244.

¹⁶ Isto. – S.244-245.

¹⁷ Isto. – S.244.

¹⁸ Isto. – S.246-247.

ную промышленность, но до писем (ЦК ВКП(б) весной 1948 г. – Ю.Ш.) они ничего не предприняли»¹⁹.

Угрозу независимости Югославии члены Политбюро усматривали не только в этом вопросе. Им не понравилась наблюдавшаяся еще до этого активность советских спецслужб, которые по словам Э.Карделя, вербовали югославских граждан²⁰. В этой связи особые подозрения вызвала у них затея с болгаро-югославской федерацией. В случае ее образования болгарская компартия выступила бы по словам Тито как «троянский конь в нашей партии»²¹. Что имел в виду Тито проясняют выступления Э.Карделя и А.Ранковича. Первый еще до слов Тито недвусмысленно заявил о советской позиции: «Им хочется с федерацией создать более сильное влияние через НКВД»²². Ранкович, который курировал спецслужбы, заявил, что в Болгарии «русские имеют полный доступ во все дела», включая МВД. А сама федерация создается с ведома болгар, у которых идет фракционная борьба, в ходе которой из ЦК БКП происходит «оттеснение людей, которые развивались в стране»²³. Похоже, Ранкович намекал, что верх берет близкие Сталину кадры, жившие в Москве, пока БКП была в подполье.

Шпиономания вообще свойственна сталинистам. Но здесь ее усилил отказ помогать в строительстве армии. Сталинисты Югославии особенно прочно ухватились за свои подозрения о советских планах подчинить их через федерацию. Когда 7 июля 1948 г. один из членов Краевого комитета КПЮ по Боснии и Герцеговине рассуждал об отношениях КПЮ и ВКП(б), Тито перебил его репликой: «Отношение между двумя странами – разведывательная служба»²⁴. А во время самого конфликта с СССР югославская пропаганда активно эксплуатировала шпионскую тему, хотя доказательств ее значимости не нашла, несмотря на большие усилия спецслужб.

Усилению шпиономании и мрачных подозрений на счет СССР способствовали также действия члена ЦК КПЮ Сретена Жуёвича. Будучи не согласен с оценками советской политики, он вышел на контакт с советским послом А.И.Лаврентьевым и пересказал ему все, что слышал на заседании 1 марта. Когда информация об этом дошла до Политбюро ЦК КПЮ, Жуёвич был арестован. Его участь разделил и другой видный деятель КПЮ Андрия Хебранг, заявивший о согласии с позицией Сталина. 12-13 апреля 1948 г. на первом после войны пленуме ЦК КПЮ было принято решение создать комиссию по расследованию их «антипартийной деятельности». Отчет о своей работе она огласила 9 мая 1948 г. на заседании Политбюро. Решено было исключить их из партии и передать для дальнейшего следствия органам госбезопасности²⁵.

В связи с судьбой С.Жуёвича можно отметить любопытные данные, которые приводит в своих мемуарах М.Джилас. С.Жуёвич имел привычку частным образом вести записи заседаний, на которых он присутствовал, и накопил довольно внушительный объем разнообразных заметок. В частности, он вел собственный протокол заседания Политбюро 1 марта 1948 г. Потом, предчувствуя угрозу ареста, он отдал свои записи советскому послу А.И.Лаврентьеву на сохранение²⁶. Дальнейшая их судьба не известна, но не исключено, что они были переправлены в СССР и осели в архивах МИДа. Если их когда-нибудь удастся обнаружить, круг источников по истории советско-югославского конфликта несомненно расширится.

¹⁹ Isto. – S.253-254.

²⁰ Isto. – S.241.

²¹ Isto. – S.242.

²² Isto. – S.238.

²³ Isto. – S.243.

²⁴ Isto. – S.256.

²⁵ Isto. – S.249.

²⁶ Djilas M. Rise and fall. – San Diego – N.-Y. – L., 1986. – P.175.

Еще один вопрос, который был воспринят как покушение на югославский суверенитет, – это разногласия с СССР из-за Албании. В предыдущие годы Югославия фактически установила свой протекторат над этой страной. Однако события зимы 1947-1948 гг. вызвали угрозу его ослабления. Помимо самоубийства Спиру, вызвавшего недовольство СССР, и советских попыток контролировать размещение югославских войск в этой стране, албанское правительство продало СССР свою нефть, хотя Югославия в ней тоже нуждалась. Судя по всему, в Албании часть руководства, несмотря на смерть Спиру, все равно пыталась взять курс на освобождение от югославской зависимости.

Хотя еще в январе 1948 г. Сталин, по словам М.Джиласа, обещал, что позволит югославам «проглотить Албанию»²⁷, уже в феврале тот же Джилас смотрел на советскую позицию по Албании с подозрением. В протоколе Политбюро от 1 марта сделана следующая запись о его выступлении: «Изложил позицию по вопросу Албании (случай Спиру Нако). Они создавали впечатление, как будто нет расхождений»²⁸. (Исходя из непосредственного контекста, можно также предположить, что речь идет не об Албании, а о разногласиях по военным инвестициям, но эта версия противоречит тому, что говорится в протоколе: с советской стороны никто не скрывал позицию по военным капиталовложениям). Настроения М.Джиласа поддержал Э.Кардель: «По вопросу Албании не точно, что они не испытывают никакого интереса к Албанской армии»²⁹. Потенциальное советское вторжение в зону югославского влияния обеспокоило также и Тито. Он пожаловался: «Нефть Советы отобрали»³⁰. Это же событие он назвал в числе причин конфликта с СССР уже в июле 1948 г.: «Нашу нефть продали албанцы русским»³¹. А пока 1 марта Тито отметил еще и то, что Югославия снабжает и одевает армию Албании, и сделал из этого вывод: «Мы хотим контроля над своей армией»³². Но особенно четко и, пожалуй, даже агрессивно, отношение к албанскому вопросу высказал Э.Кардель: «Албанию нужно крепко держать, потому что мы в нее много вложили и она для нас важна. Продолжить нашу политику (подчеркнуто в оригинале – Ю.Ш.) по всем вопросам, политическому и экономическому сотрудничеству, как и прежде». Советское влияние в Албании Кардель предложил ограничить и даже поставить под контроль: «Следует потребовать, чтобы советские советники в Албании были в составе группы у нас. (Число по нашей оценке)... Пусть албанцы выполнят договор с СССР, но и по отношению к нам выполняют. Мы имеем право контролировать, что албанцы делают, какие договора заключают... Наша политика по отношению к Албании политически и экономически [остается] как и прежде, с тем чтобы Албания выполняла обязательства по отношению к нам и, поскольку будет составлять какие-нибудь договора, должна их согласовывать с нами»³³. Идеи Карделя оказались достаточно привлекательны для руководства Югославии и оно им следовало несмотря на прогрессирующее ухудшение отношений с Албанией. На заседании Политбюро 9 мая 1948 г. Тито в этой связи отмечал: «По вопросу Албании правильна позиция, которую заняло наше правительство. Обоюдные обязательства утвердить договором»³⁴.

Советский диктат не позволял Югославии проводить самостоятельную внешнюю политику в отношении Албании – государства, которое в Политбюро рассматривали почти как свою вотчину. Разумеется, это могло восприниматься только как попытка ограничить самостоятельность во внешней политике и соответственно независимость Югославии.

²⁷ Ibid. – P.152.

²⁸ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. – S.239.

²⁹ Isto. – S.240.

³⁰ Isto. – S.237.

³¹ Isto. – S.254.

³² Isto. – S.237.

³³ Isto. – S.240.

³⁴ Isto. – S.249.

По сути дела, все что вызвало у югославских партийных вождей недовольство советской позицией, так или иначе, относилось к проблеме обеспечения независимости. Никаких иных конкретных указаний на причины недовольства в протоколах не содержится. Итак, именно угроза независимости Югославии, которую члены Политбюро увидели в действиях СССР, и была основной причиной курса на противодействие сталинскому диктату. Тито сформулировал эту позицию в двух чеканных фразах: «Независимость важнее» и «Мы не пешка на шахматной доске»³⁵. В дальнейшем, по мере развития конфликта комплекс ущемленной национальной гордости только возрастает. На заседании Политбюро 7 июля 1948 г., уже после того, как были выдвинуты все обвинения Сталина в адрес КПЮ, в том числе и такое страшное по тем временам, как обвинение в троцкизме, Тито перебил оратора, который считал нужным признать часть обвинений, фразой: «Не хочу жить в позоре»³⁶. А Кардель тогда же заявил: «Почему мы ничего не признали. Признать это невозможно»³⁷.

Занять такую позицию было нелегко. Дело в том, что в КПЮ годами культивировалась вера в гений Сталина и необходимость союза с СССР. Поэтому, отвергая сталинские обвинения, руководители КПЮ нередко просто переступали через себя. Интересные данные на этот счет дает упомянутый протокол заседания Политбюро от 7 июля. Это заседание целиком было посвящено самокритике членов краевого комитета КПЮ по Боснии и Герцеговине, которые думали, что надо было признать часть сталинских обвинений и послать представителей КПЮ на заседание Коминформбюро в Бухарест. Характерно, что как сторонники, так и противники этой идеи делали ритуальные заявления примерно одинакового свойства. Родолюб Чолакович, сторонник: «Я утверждал, что мы не могли бы построить социализма без помощи СССР. Я продолжал настаивать, что русские основополагающи»³⁸. Милован Джилас, противник: «Совершенен ленинизм и Ленин, и Сталин... У нас нет другого пути, кроме как с СССР»³⁹. При таком идейном настрое дать отпор ЦК ВКП(б) было непросто. Угleshа Данилович, член КК КПЮ по Боснии и Герцеговине произнес знаменательные слова: «Я занял позицию по двум вопросам – поездка на Информбюро и, во-вторых, что есть вещи, которые нужно признать. Исходя из того, что Сталин подписал и второе письмо»⁴⁰. Настоящую драму выбора обозначил Р.Чолакович: «Если это со стороны ВКП(б) непринципиально, тогда колеблются мои коммунистические взгляды... Пережил моральный слом. Хотел покончить самоубийством»⁴¹. Однако, как показали дальнейшие события, у большинства руководителей КПЮ желание сохранить подвергнувшуюся угрозе независимость оказалось сильнее верности Сталину и СССР. Почему?

Специфика национальной гордости югославов во второй половине 1940-х гг. проявлялась в ее тесной связи с социализмом. Вожди КПЮ гордились, что для продвижения к социализму, в их понимании этого слова, они сделали больше, чем какая бы то ни была страна мира, кроме СССР. И теперь им заявляли, что это не так. Кстати, поэтому конфликт с СССР быстро приобрел форму спора о путях построения социализма. Хотя это обстоятельство объясняет болезненность реакции югославского руководства на сталинские обвинения, оно далеко не достаточно, потому что остаются факты, в отношении которых оно бессильно. Протокол заседания Политбюро от 1 марта показывает, что уже тогда вожди КПЮ пришли к выводу, что между СССР и Югославией есть расхождения во взглядах на пути развития социализма. Между тем, обвинения ЦК ВКП(б), что КПЮ отступила от единственного верного пути (первое письмо), еще не были выдвинуты. На тот момент основанием для недовольства ЦК КПЮ

³⁵ Isto. – S.241, 243.

³⁶ Isto. – S.255.

³⁷ Isto. – S.258.

³⁸ Isto. – S.254.

³⁹ Isto. – S.257.

⁴⁰ Isto. – S.255.

⁴¹ Isto. – S.254.

были только расхождения по внешнеполитическим вопросам, признанные угрозой для независимости. Таким образом, мы приходим к проблеме, какую роль играла «независимость» в ценностной ориентации КПЮ и чем она была обусловлена.

Разнообразные факты, которые приводятся как в научной литературе, так и в источниках, показывают, что вожди КПЮ были сторонниками полного, ничем не ограниченного суверенитета своей страны. К примеру, сразу после освобождения Югославии в 1945 г. Тито публично заявил, что отныне его страна не будет игрушкой ни в чьих руках. Построение его речи было таково, что можно было предполагать, что он имел в виду все великие державы, включая Советский Союз. М.Джилас приводит пример реакции Тито на данные министерства иностранных дел, что договор о совместном югославо-советском обществе воздушного транспорта нарушает суверенитет Югославии. Тито взорвался словами: «Этого не может быть! Суверенитет должен быть сохранен»⁴². И так далее.

Однако по отношению к своим соседям, в том числе избравшим путь «социализма» по-сталински, руководство КПЮ проводило совсем иную линию. Здесь суверенитет в расчет не принимался. В архивах советского МИДа обнаружен документ, из которого следует, что уже в январе 1945 г. члены официальной югославской делегации заявили Сталину, что имеют территориальные претензии к Венгрии, Румынии и Греции. При чем они не были обусловлены этническими причинами. От Венгрии хотели получить территории с залежами угля, от Румынии железодельные заводы, а от Греции даже порт Салоники⁴³. Но это были нереализованные намерения. А вот курс ЦК КПЮ в отношении Албании и постепенное подчинение этой страны далеко превосходит то, чего достиг Сталин в отношении своих центральноевропейских союзников. Таким образом, в принципах своей внешней политики Югославия в то время существенно не отличалась от СССР. Пожалуй только, руководители КПЮ не прибегали в отношении албанских представителей к такому грубому обращению как Сталин с югославской делегацией в феврале 1948 г.

Чрезмерное пренебрежение суверенитетом соседей и болезненная щепетильность в вопросах собственной независимости характерна и для многих других сталинистских режимов. Современные исследователи Н.Васильева и В.Гаврилов отмечают, что «десять лет спустя ситуация с Югославией с точностью до мельчайших деталей повторилась на Дальнем Востоке, где произошел разрыв СССР с Китаем. Амбиции китайских лидеров и их подходы к решению региональных проблем натолкнулись на жесткое противодействие со стороны советского руководства...»⁴⁴ В чем-то похожая ситуация с ущемлением суверенных амбиций повторилась в отношениях Албании и Югославии. Судя по всему, группа Энвера Ходжи приложила немало усилий, чтобы разжигая советско-югославский конфликт восстановить независимость Албании⁴⁵. Примеры навязчивого стремления утвердить свою независимость от старшего партнера можно продолжать. Любопытный материал о советско-вьетнамских отношениях в 1960-70-е гг. приводит в своих воспоминаниях Михаил Ильинский. Вьетнамские власти контролировали советских граждан и всячески подчеркивали необходимость подчиняться их требованиям наравне с другими иностранцами. Несмотря на ту исключительно важную роль, которую играли советские специалисты в освободительной войне вьетнамского народа, на них в полном объеме распространялся грозный закон «10-67», каравший вьетнамцев за несанкционированные контакты с иностранцами вплоть до смертной казни⁴⁶. Здесь же можно вспомнить отношения СССР и Румынии во времена Чаушеску и т.д.

⁴² Djilas M. Op. cit. – P.95.

⁴³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953. – М. – Новосибирск, 1997. – Т.1. – С.128.

⁴⁴ Васильева Н., Гаврилов В. Указ. соч. – С.237-238.

⁴⁵ См: Чувахин Д.С. С дипломатической миссией в Албании, 1946 – 1952 // Новая и новейшая история. – 1995. – №1. – С.114-131.

⁴⁶ Ильинский М.М. Индокитай: Пепел четырех войн (1939-1979 гг.). – М., 2000. – С.102, 275.

Похоже, что такое поведение в международных отношениях это следствие общей особенности сталинистской идеологии, как она оформилась в 1930-е гг. Ей присуща установка на максимальную централизацию власти⁴⁷ и, следовательно, на подчинение ее второстепенных центров (например, более слабых государств) главному центру. С другой стороны после 1934 г. и решений VII конгресса Коминтерна все сталинисты прошли длительную идеологическую подготовку, в ходе которой прочно усвоили идею, что защита национального суверенитета – одна из важнейших задач коммунистов. После прихода сталинистов к власти в ряде государств это противоречие идеологических установок вышло на поверхность и способствовало развитию межгосударственных конфликтов в «социалистическом» содружестве. Лишь позже, после накопления значительного отрицательного опыта руководители ряда сталинистских государств сумели учесть его и сделали соответствующие выводы.

Такое предположение позволяет по-другому осмыслить слова Карделя, Джиласа и Тито на заседании Политбюро 1 марта 1948 г. об «идеологическом расхождении» с СССР «по вопросу развития социализма». Ключевой для понимания здесь является оценка Тито. В силу того, что она записана в протоколе очень сумбурно, процитируем ее полностью: «По вопросу федерации я не изменил мнения. У русских созрела идея окружения централистского. Югославия подтвердила путь к социализму. Русские иначе видят свою роль. Вопрос ставится идеологически. Правы ли мы или нет? Мы правы. Они на национальный вопрос смотрят иначе, чем мы. Было бы ошибочно понять коммунистическую дисциплину. Если это наносит ущерб какой-то новой концепции. Они нигде не хотели до сих пор популяризировать. Мы не пешка на шахматной доске»⁴⁸. Эту путаную запись несколько проясняют слова Джиласа: «Вопрос, будет ли социализм развиваться свободно или расширением СССР. Идеюную сторону результата новой Югославии»⁴⁹. Очевидно, что речь идет именно о разных концепциях взаимоотношения между «социалистическими» государствами, которые в терминологии Тито обозначены как «национальный вопрос»: затаенным централистским мечтам Сталина направленным на поглощение новых социалистических стран противостоит идея их свободного совместного развития без поглощения и подчинения. По сути, вожди Югославии хотели от СССР того же, чего от них самих хотело в душе руководство Албании.

Дополнительный свет на высказывания Тито и его соратников 1 марта 1948 г. проливают протоколы пленума ЦК КПЮ 12-13 апреля. С.Жуёвич на пленуме суть этих высказываний передал так: «На прошлом заседании ЦК брошены такие обвинения, что в ВКП(б) произошли идеологические изменения. Брошены заявления, что проводится великорусский шовинизм»⁵⁰. Кардель настаивал, что КПЮ творчески применила марксизм, а советские теоретики, будучи глубоко погружены в историю ВКП(б), не видят новых форм в развитии. «Тито сказал, что произошли глубокие идеологические изменения в СССР. Джидо⁵¹ сказал, что мы будем центром сопротивления Советскому Союзу»⁵². При этом сам Жуёвич исходил из перспективы включения Югославии в состав СССР. Таким образом, речь действительно шла о понимании централизма и о возможности строительства социализма без поглощения Советским Союзом.

Протокол заседания от 1 марта донельзя противоречив. Чуть ли не везде члены Политбюро мечтают сохранить независимость своей страны в почти что девственном виде, выводят эту проблему на уровень идеологических расхождений со своими советскими учителями и

⁴⁷ См.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004.

⁴⁸ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. – S.242-243.

⁴⁹ Isto. – S.243.

⁵⁰ Dedijer V. Navedeno delo. – S.377.

⁵¹ Партийная кличка Джиласа.

⁵² Dedijer V. Navedeno delo. – S.374, 380, 381.

тут же разрабатывают планы, как лишить независимости другую страну (крепче держать Албанию).

Впрочем, одно высказывание Э.Карделя на пленуме 1 марта 1948 г. как бы не укладывается в эту схему. Но это лишь на первый взгляд. Кардель заявил, имея в виду, скорее всего страны «народной демократии»: «Русские не хотят, чтобы в этих странах создавалась какая-нибудь формация, которая бы позволяла этим странам развиваться к социализму»⁵³. Но если социализм для югославских партийных лидеров это гарантия и в то же время следствие независимости⁵⁴, то ограничивать независимость, значит, мешать делу социализма. Такое пояснение может показаться натянутым, ведь по протоколу Кардель произнес эти слова задолго до того, как Тито и Джилас высказались о централизме и свободе развития. Однако в данном случае все три человека принадлежали к узкому руководству, которое одно и обладало реальной властью, а потому регулярно между собой контактировали и обменивались мнениями. Так что их заявления, спустя почти 20 дней после сталинского диктата, не могли не отражать некую общую позицию.

Таким образом, протоколы Политбюро ЦК КПЮ позволяют сделать вывод, что причиной, вызвавшей в ЦК резкое неприятие внешней политики СССР по отношению к Югославии, стало обостренное чувство государственной независимости, которое привило им само же советское партийное руководство. Не стоит забывать также об опыте второй мировой войны, закрепившем у югославских сталинистов это чувство. В целом же анализ протоколов показывает, что понимание советско-югославского конфликта требует более внимательного отношения к противоречиям идеологии и психологии сталинистов 30-х годов, а также к пропагандистской работе Коминтерна. Необходимо исследовать не только объективные причины конфликта, но и то, как они преломились в сознании участников и чем они руководствовались при выборе линии поведения. Однако все это лишь самая простая часть задачи. Идеи и представления имеют свойство приспосабливаться к окружающей их реальности и исчезать в случае полного несоответствия. Потому мало выяснить, какими идеями руководствовались те или иные политики. Необходимо выявить те объективные причины, которые позволяют социальной материи воспроизводить и поддерживать устойчивость того или иного комплекса представлений.

ПОДГОТОВКА К ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ИНФОРМБЮРОВЦЕВ И ОБЩИЕ ИТОГИ КАМПАНИИ

Политические репрессии, вызванные в Югославии советско-югославским конфликтом, – достаточно распространенная тема в историографии бывших югославских республик. По этой проблеме существует обширная литература. Информбюровцы, сторонники СССР в конфликте 1948-1955 гг., часто попадают в поле зрения историков и публицистов. Совсем иначе обстоит дело в СССР, постсоветской России и Украине. Здесь вопрос информбюровцев почти не рассматривался. Публикации об информбюровцах уместаются буквально на нескольких страницах. Так, еще в 1990 г. была напечатана популярная статья Г. Полегаева⁵⁵, короткий материал справочного характера приводят о них в своих книгах Ю.С. Гиренко, Н.В. Васильева и В.А. Гаврилов⁵⁶, небольшой раздел посвящен информбюровцам в монографии «Москва и Восточная Европа»⁵⁷, есть публикации по отдельным вопросам у Е.Ю. Гуськовой⁵⁸. Кроме того,

⁵³ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. – S.240.

⁵⁴ Програм КПЈ // V конгрес КПЈ. Стенографске белешке. – Београд, 1949. – С.874-875, 878, 887.

⁵⁵ Полегаев Г. Поколение Голого острова // Эхо планеты. – 1990. – № 37-38.

⁵⁶ Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?... (Историческая судьба Югославии в XX веке). – М., 2000. – С.248; Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркишин В.А. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. – М., 2005. – С.290-29; Гиренко Ю.С. Сталин-Тито. – М., 1991. – С. 391-392.

⁵⁷ Москва и Восточная Европа. – М., 2008. – С.587-591.

сжатая характеристика информбюрковского движения несколько лет назад была дана автором данной статьи в монографии по истории Югославии, и на этом историография по сути исчерпывается. Такие фундаментальные труды, как изданная недавно коллективом Института славяноведения «Югославия в XX веке» и первая на русском языке история Словении, вообще обошлись без упоминания об информбюровцах⁵⁹, а в первой обобщающей истории Хорватии им уделены ровно две строки⁶⁰. Поэтому данный раздел ставит цель выяснить, как проходила политическая подготовка к преследованию информбюровцев и каковы оказались результаты развернутой кампании.

Как известно, советско-югославский конфликт первоначально развивался в скрытой форме и принял открытый характер 28 июня 1948 г. после публикации резолюции Коммунистического информационного бюро «О положении в Коммунистической партии Югославии». Те, кто хотя бы частично поддерживали эту резолюцию, получили в тогдашнем политическом лексиконе Югославии имя информбюровцев. В качестве синонимов использовали также слова «коминформовец», «информбираш» и «ибеовец». Наконец, тех из них, кто отбыл заключение в тюрьме или лагере, называли «мермерашами» – от слова «Мермер» («Мрамор»), которым обозначали в партийных документах места их заключения. В основном лагере, созданном для осужденных информбюровцев на Голом острове, добывался мрамор, и отсюда возник этот эвфемизм.

На начальном этапе конфликта Политбюро ЦК КПЮ преследовало цель завоевать на свою сторону партийное руководство республик. Борьба шла буквально за каждого человека. Причем важнейшим методом были доверительные беседы и увещания. С наибольшими проблемами Политбюро столкнулось в Боснии и Герцеговине и в Черногории. В этих республиках руководящие партийные органы еще носили имя краевых комитетов. В боснийском крайкоме взяла верх точка зрения, что Политбюро ЦК КПЮ право в начавшемся конфликте, но допустило одну ошибку – нужно было принять приглашение советской стороны и отправить делегацию на заседание Коминформбюро. Особые колебания в этом вопросе проявил председатель Совета министров Боснии и Герцеговины Родолюб Чолакович. Он открыто высказался за СССР. В начале июля его вызвали в Белград. Генеральный секретарь Й. Броз-Тито провел с Чолаковичем беседу и сумел его за одну ночь переубедить⁶¹. На следующий день, 7 июля 1948 г., состоялось совместное заседание Политбюро ЦК КПЮ и Крайкома по Боснии и Герцеговине. Члены Крайкома коллективно совершили обряд самокритики и выразили готовность усердно исправить свои ошибки⁶².

Р. Чолакович благополучно остался в высшем руководстве страны, пользовался уважением как старый партиец и написал замечательные воспоминания о своей революционной деятельности и участии в Народно-освободительной войне. Лишь в 1991 г. стало ясно, что колебание Чолаковича было отнюдь не случайным. Ю.С. Гиренко опубликовал донесения советского посла А.М. Лаврентьева. Из них следует, что 9 марта 1948 г. Лаврентьев привлекал Чолаковича к обсуждению планов по смене югославского партийного руководства⁶³. Но в отличие от

⁵⁸ Гуськова Е.Ю. Судьба македонцев, пострадавших в репрессиях конфликта Сталин-Тито // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. – М., 2010. – С.471-475.

⁵⁹ Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. – СПб., 2011; Югославия в XX веке: Очерки политической истории. – М., 2011.

⁶⁰ Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). – СПб, 2001. – С.260.

⁶¹ Начало советско-югославского конфликта. Протоколы заседаний Политбюро ЦК КПЮ 19 февраля – 7 июля 1948 года // Вопросы истории. – 2008. – №8. – С.21; Djilas M. Rise and fall. – San Diego – N.-Y. – L., 1986. – P.197.

⁶² Начало советско-югославского конфликта. – С.20-22; Petranović B. Istorija Jugoslavije, 1918-1988. – Beograd, 1988. – Knj.3. – S. 223-224; Vukmanović Tempo S. Revolucija koja teče. Memoari. – Beograd, 1971. – Knj.2. – S.93.

⁶³ Гиренко Ю.С. Указ. соч. – С.353.

своего более активного коллеги, члена ЦК КПЮ С. Жуёвича, Чолакович не был избличен в информировании советского посла.

В небольшой Черногории ситуация оказалась особенно тяжелой. Из девяти членов крайкома четверо твердо высказались за СССР. Один из них, Божо Люмович, был до V съезда также и членом ЦК КПЮ. Они считали, что нужно было принять участие в заседании Коминформбюро, что ответ на резолюцию Коминформбюро со стороны Югославии был слишком жестким, что не нужно обострять конфликт и изолировать себя от «международного революционного движения». Члены Политбюро ЦК КПЮ Э. Кардель, А. Ранкович, М. Джилас безуспешно пытались их переубедить. Все усилия оказались тщетны. Тогда 1 августа эту упорную четверку освободили от всех партийных и государственных функций, а 3 сентября 1948 г. исключили из КПЮ⁶⁴.

Столь пристальное внимание к поддержке республиканских и краевых комитетов было не случайно. Политбюро ЦК КПЮ готовило V съезд, чтобы дать на нем отповедь Советскому Союзу и партиям, входящим в Коминформбюро. Успех этой акции решающим образом зависел от лояльности руководства в республиках. Именно на этом уровне производился подбор подходящих делегатов и контролировалась процедура их избрания.

В российской историографии уже отмечалось, что делегаты V съезда прошли тщательный отбор⁶⁵. Опубликованные протоколы заседаний Политбюро ЦК компартии Хорватии наглядно иллюстрируют эту работу. Кандидатов подбирали не первичные организации, а высшие руководства. Существовали квоты ЦК и срезных (котарских) комитетов. Но и списки кандидатов по квотам срезных (котарских) комитетов предварительно согласовывались с ЦК республики или Крайкомом. Рядовым членам партии по большому счету оставалось только проголосовать за нужные кандидатуры. Впрочем, на этапе голосования случались сбои. Так, в Хорватии из 410 делегатов на V съезд были избраны 10 несогласованных. Пятеро выиграли выборы у кандидатов, шедших по квоте ЦК, и еще пятеро – по квоте котарских комитетов. После выборов начался второй этап подготовки. Республиканские руководители определяли участников выступлений и дискуссий на съезде. В Хорватии их утвердили на заседании Политбюро. Вслед за этим бдительное хорватское Политбюро еще раз профильтровало делегатов V съезда, чтобы туда не попали информбюровцы, и провело с ними информационную работу⁶⁶.

При таком тщательном подборе делегатов не удивительно, что V съезд КПЮ прошел с 21 по 28 июля 1948 г. именно так, как и надеялись его организаторы. Съезд одобрил политику руководства КПЮ и выразил ему полную поддержку в противостоянии с СССР и партиями Коминформбюро. Преисполненные искреннего энтузиазма делегаты распевали в кулуарах съезда песни о Тито и чистоте партии⁶⁷. Однако выборы нового центрального комитета показали, что несмотря на все старания организаторов, на съезде есть несколько скрытых сторонников Сталина и его линии. Согласно отчету избирательной комиссии в тайном голосовании приняли участие 2323 человека. За переизбрание Й. Броза-Тито в ЦК проголосовали 2318 человек, а ближайшие соратники генерального секретаря получили соответственно:

М. Джилас – 2314,

Э. Кардель – 2319,

А. Ранкович – 2316 голосов⁶⁸.

Параллельно с подготовкой к V съезду в республиках началась кампания по обсуждению советско-югославского конфликта. Она открылась в мае 1948 г., когда после получения вто-

⁶⁴ Djilas M. Op. cit. – P.179; Kovačević B. O Informbirou u Crnoj Gori // 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. – Beograd – Podgorica, 1998. – S.133; Petranović B. Navedeno delo. – S.224.

⁶⁵ Москва и Восточная Европа. – С.587.

⁶⁶ Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Zagreb, 2005. – Sv.1. – S.486, 500, 501.

⁶⁷ Kržavac S., Marković D. Informbiro. Šta je ta? Jugoslavija je rekla: ne. – Beograd, 1976. – S.135.

⁶⁸ V конгрес КПЈ. Стенографске белешке. – Београд, 1949. – С.860-862.

рого письма Сталина и Молотова ЦК КПЮ понял, чем закончится дело, и прошла в три этапа. «Сперва мы ознакомили политический актив, который работал в центральных учреждениях, в армии, а потом широкий актив в республиках», – вспоминал начальник Главного политуправления Югославской армии С. Вукманович-Темпо⁶⁹. Ознакомление республиканского актива знаменовало собой второй этап, который стартовал в начале июня. Тогда ЦК КПЮ разослал указание ознакомить среднее звено республиканских партийных руководителей с сущностью советско-югославского конфликта, точнее с письмами, которыми обменялись ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ. Как отмечалось на заседании Политбюро ЦК КПХ, «с этими документами мы должны познакомить всех членов котарских, городских комитетов, ПК СКМЮ⁷⁰, центральных учреждений, партийную ячейку правительства, УДБы (политических руководителей), партийный актив в министерствах (помощники, начальники и руководители на видных должностях), секретарей бюро в университете и в крупных ячейку и тех партийцев, которым по их стажу и партийности можно эти вещи сообщить». При этом надлежало вести протоколы собраний, фиксировать высказывания участников и передавать эти записи на хранение в ЦК⁷¹.

На этом этапе обсуждение советско-югославских отношений тоже вызвало колебания. Известно не менее 10 срезных и городских партийных комитетов, которые не выказали безоговорочную поддержку курсу ЦК КПЮ (Андриевица, Колашин в Черногории, Цриквеница, Делницы, Хвар, Новская в Хорватии, Сараево в Боснии, Бор, Кладово, Заечар в Сербии)⁷². Колебания особенно сильны были в Сербии в срезе Кладово, где срезный партком, многие партячейки и часть УДБы высказались за СССР. В Боснии советскую сторону поддержал горком Сараева и часть УДБы. А в Хорватии заколебались два окружных и два срезных парткома⁷³. Психологически конфликт воспринимался очень тяжело. С. Вукманович-Темпо рассказывает даже, как плакали на собраниях боевые офицеры⁷⁴.

Низшее звено партаппарата и рядовые партийцы узнали о советско-югославском конфликте лишь в конце июня, после выхода резолюции Коминформбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии». Сразу после обнародования резолюции начался третий этап обсуждения советско-югославского конфликта в КПЮ. Обсуждение прошло в форме внутрипартийной дискуссии и велось на партсобраниях первичек, митингах и сборах различных активов. По имеющимся данным видно, что резолюция в основном вызвала недоумение. Так в Хорватии члены партии не могли понять, как случилось, что Сталин и ВКП(б) ошиблись, почему югославская делегация не поехала на заседание Коминформбюро, как можно построить социализм без помощи СССР, что на самом деле кроется за письмами. Даже сами члены хорватского Политбюро испытывали растерянность. Один из них – Марко Белинич – на каком-то митинге заявил, что резолюция – результат ложного информирования. И хотя в тот момент это была официальная версия, его коллеги по Политбюро сочли такое объяснение неудачным⁷⁵. С. Вукманович-Темпо вспоминал, что у него на этой почве тоже возникали проблемы. Выступая перед офицерским активом, он не смог ответить на вопрос о роли Сталина в конфликте так, чтобы ответ выглядел убедительно, а все из-за официальной установки ЦК КПЮ «щадить Сталина»⁷⁶.

Обсуждение резолюции Коминформбюро среди рядовых партийцев строилось по той же схеме, что и в среднем звене: каждый член партии должен был сформулировать свое отношение

⁶⁹ Vukmanović Tempo S. Navedeno delo. – S.80.

⁷⁰ Союз коммунистической молодежи Югославии.

⁷¹ Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Sv.1. – S.469.

⁷² Radonjić R. Izgubljena orijentacija. – Beograd, 1985. – S.56.

⁷³ Marković D. Istina o Golom otoku. – Beograd, 1987. – S.18.

⁷⁴ Vukmanović Tempo S. Navedeno delo. – S.80.

⁷⁵ Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Sv.1. – S.484.

⁷⁶ Vukmanović Tempo S. Navedeno delo. – S.86.

к резолюции, а твердые сторонники линии ЦК все это фиксировали. Это делалось неспроста. Как отметил 3 июля 1948 г. член ЦК КПЮ и первый секретарь ЦК КПХ Владимир Бакарич, «за всеми колеблющимися людьми нужно внимательно смотреть и проследивать их поведение»⁷⁷. Судя по всему, в ЦК КПЮ заранее предвидели, что эти записи могут потом пригодиться, и уже тогда взяли курс на выявление сторонников резолюции Коминформбюро и колеблющихся как потенциальной пятой колонны. С момента выхода резолюции и до середины 1960-х гг. они находились под наблюдением партийных органов и Управления госбезопасности (обычно называемого УДБой). По позднейшим данным, неоднократно приводившимся как в югославской, так и в советской и в российской литературе, с 1948 по 1963 г. было выявлено 55 663 человека, взятых под наблюдение⁷⁸.

В этой связи необходимо сказать несколько слов об одной ошибке, которая возникла в 1991 г. и с тех пор циркулирует в российской историографии. Ю.С. Гиренко, приведя число 55 663, ошибочно отнес всех этих людей к членам КПЮ и сравнил их с численностью партии на момент V съезда⁷⁹. Его ошибку повторяют В. Гаврилов и Н. Васильева и коллектив монографии «Москва и Восточная Европа»⁸⁰. Между тем, Драган Маркович, у которого Ю.С. Гиренко позаимствовал эти сведения, прямо пишет: «В период с 1948 г., когда обнародована Резолюция ИБ, и до 1963 г. органы внутренних дел Югославии зарегистрировали 55663 особы, которые различными способами поддерживали акцию Москвы и восточного лагеря против нашей страны»⁸¹. Поэтому сравнение Ю.С. Гиренко содержит двойную ошибку. Во-первых, основной массив учтенных информбюровцев сложился не ранее 1952 г. После этого рубежа список неблагонадежных лиц пополнялся очень медленно. Потому правильной было бы проводить сравнение числа информбюровцев с членами партии накануне VI съезда, прошедшего в ноябре 1952 г. Во-вторых, не все информбюровцы были членами КПЮ, среди них встречались беспартийные лица. В общей массе они составляли меньшинство, однако их удельный вес до сих пор никем не установлен. Например, в Черногории на протяжении 1948 г. за поддержку резолюции Информбюро были арестованы 53 члена партии и 20 беспартийных⁸². Потому такое сравнение, как у Ю.С. Гиренко, и вовсе недопустимо.

В качестве иллюстрации удельного веса информбюровцев в правящей партии приведем данные А.Ранковича, озвученные на заседании Политбюро ЦК КПЮ в сентябре 1950 г. С июня 1948 г. количество исключенных из партии за симпатии к Коминформу составило 2,07 % от общего числа членов КПЮ⁸³. Поскольку активные репрессии продолжались еще свыше двух лет, это число нельзя считать итоговым.

По информации советских дипломатов уже 30 июня 1948 г. спецслужбы Югославии получили распоряжение, что те, кто выступает за Коминформбюро, должны быть арестованы⁸⁴. Репрессии в отношении информбюровцев начали применяться постепенно с осени 1948 г. и усиливались по мере углубления советско-югославского конфликта.

Правовая база преследований в основном опиралась на законодательство предыдущих лет, и лишь норма об административном наказании исправительно-трудовыми работами была

⁷⁷ Zapisnici Politbira Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Sv.1. – S.485.

⁷⁸ Lakić Z. Jugoslovenska 1948. u memuaristici // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. Zbornik radova sa naučnog skupa. – Beograd, 1999. – S.304; Marković D. Navedeno delo. – S.15; Radonjić R. Navedeno delo. – S.73.

⁷⁹ Гиренко Ю.С. Указ. соч. – С.391.

⁸⁰ Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?... – С.248; Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А. Балканский узел... – С.290-291; Москва и Восточная Европа. – С.588-589.

⁸¹ Marković D. Navedeno delo. – S.15.

⁸² Kovačević B. Navedeno delo. – S.135.

⁸³ Архив Југославије. – Ф. 507: Седнице ИК ЦК СКЈ. – П. III/50: Sednica Politbira 13 septembra 1950. godine. – S.54.

⁸⁴ Москва и Восточная Европа. – С.588.

принята в 1948 г. специально для информбюровцев⁸⁵. Методы воздействия не исчерпывались одними репрессиями – использовались следующие: отправка на пенсию (для офицеров Югославской армии и госчиновников); исключение из партии, не влекущее за собой лишение свободы; принудительная отправка на неоплачиваемый «добровольный» труд, перевод в дисциплинарные батальоны (для военнослужащих); административные наказания для гражданских лиц, предполагавшие исправительно-трудовые работы на срок от 6 месяцев до 2 лет с возможностью удвоения срока по усмотрению лагерной администрации; судебные приговоры для военных и работников МВД, обычно предполагавшие тюремное заключение (максимальный срок до 20 лет)⁸⁶. В нескольких случаях были вынесены даже смертные приговоры. Примерно три четверти осужденных отбывали заключение в лагерях на островах Голый и Св. Гргур. Помимо того они содержались в тюрьмах Билечи, Старой Градишки, Рачского Рита, Забелы, в лагерях на островах Углян и Раб⁸⁷.

Недавно в эту картину внесли дополнение хорватские историки. Они установили, что суды выносили приговоры не только работникам силовых ведомств, но и гражданским лицам. Однако в этом вопросе еще очень много неясного. Например, в каких случаях это происходило? З. Раделич указывает, что через суд репрессировали граждан, которые по службе, родственно или дружески были связаны с военными, полицейскими и работниками УДБы⁸⁸. М. Превишич определяет круг гражданских лиц иначе. По его сведениям, на суд обычно попадали обвиняемые в диверсиях, участии «в сложной организации», занимавшейся пропагандой или сотрудничеством со странами Коминформбюро⁸⁹. Далее, нет вообще никаких оценок общего числа судебных приговоров гражданским лицам в масштабе всей Югославии, хотя в качестве отправной версии можно предположить, что оно составляло около 5 % от числа всех репрессированных. Наконец, неясно, как отражены эти приговоры в общей статистике репрессий, к проблемам которой мы сейчас и перейдем.

В бывшей Югославии до сих пор существует разноречие мнений по числу репрессированных информбюровцев. К 2008 г. Архив Сербии получил от бывших спецслужб 64 327 досье и 300 тыс. страниц других материалов, включая 15 тыс. досье информбюровцев. Там и содержится интересующая нас статистика⁹⁰, но соответствующий фонд лишь недавно открылся для исследователей. Поэтому историки до сих пор не пришли к окончательному выводу, сколько человек пострадали.

В 2009 г. оценки числа репрессированных провели сербские историки М. Митрович и С. Селинич. Обратившись к партархивам, они нашли оценку, относящуюся к 1956-1957 гг. Тогда в организационно-политическом секретариате ЦК СКЮ число информбюровцев определяли в 15-16 тыс. чел. В 1958 г. информбюровцев пересчитали и вышли на цифру 27 364 чел. Впрочем, в организационно-политическом секретариате это число быстро признали завышенным. Наконец, «по данным УДБы, появившимся на основе анкеты, проведенной в конце 1963 г., бывших сторонников Резолюции ИБ, к которым применялись законные санкции (осужденные и административно наказанные), затем тех, которые арестованы и отпущены из следственного

⁸⁵ Radelić Z. Pripadnici Udbe u Hrvatskoj osuđeni zbog Informbiroa // Časopis za suvremenu povijest. – 2010. – № 2. – С.387.

⁸⁶ Даниловић П. Употреба непријатеља. Политичка суђења 1945-1991. у Југославији. – Вальево, 1993. – С.127; Gabrić A. Informbirojevstvo na Slovenskem // Prispevki za novejšo zgodovino. – 1993. – №1-2. – С.163; Kosić I. Dodatak II. izdanju knjige «Goli otok, najveći Titov konclogor» // Udruga Goli Otok 'Ante Zemljari'. – Режим доступа: <http://www.goli-otok.hr/index.php?task=informbureau&act=ik>

⁸⁷ Kovačević B. Navedeno delo. – С.142; Marković D. Navedeno delo. – С.97; Radonjić R. Navedeno delo. – С.79.

⁸⁸ Radelić Z. Navedeno delo. – С.387.

⁸⁹ Previšić M. «Informbiro» križevačkog kotara 1948.-1958. godine // Cris – časopis Povijesnog društva Križevci. – 2009. – №11. – С.113; Previšić M. Djelovanje «ibeovaca» na području Slavenskoga Broda 1948. – 1955. // Scrinia Slavonica. – 2010. – №10. – С.408-409.

⁹⁰ Цветковић С. Како је спаљено пет километара досијеа УДБ-е // Архив, часопис Архива Србије и Црне Горе. – 2008. – № 1-2. – С.75, 84.

изолятора, исключенных из КПЮ, исключенных из ЮНА или отправленных на пенсию из ЮНА было в совокупности 30 113»⁹¹. Примечательно, что ссылку они дают на Архив Словении – сербские архивы еще хранят свои тайны.

К этому перечню можно добавить еще два числа. А. Ранкович в ноябре 1952 г. на VI съезде КПЮ/СКЮ определил численность административно наказанных в 11 128 чел. и 2 572 чел. по приговорам судов. Всего 13 700 человек⁹². Такова минимальная оценка числа репрессированных. А максимальную приводит в своих трудах Драгослав Михаилович. Этот сербский писатель своей судьбой и взглядами очень напоминает Солженицына. Д. Михаилович ссылается на свой разговор с бывшим начальником Службы безопасности и секретарем внутренних дел Сербии Обреном Джорджевичем. Слова своего информатора Михаилович излагает таким образом, что за информбюровщину в лагерях побывали 55-60 тыс. чел.⁹³. При этом якобы существовала в одном экземпляре рукописная книга, содержащая имена всех репрессированных, и якобы она еще до 1995 г. могла быть уничтожена.

В то же время в югославской исторической науке циркулировали совсем иные цифры, которые определяли численность репрессированных в 16 288 чел., из них 11 211 осуждены в административном порядке и 5 077 различными судебными органами (4392 собственно судами и 685 «специальными учреждениями»). Эти числа впервые ввел в научный оборот черногорский профессор Р. Радоньич в 1985 г.⁹⁴. Радоньич прекрасно информирован о деятельности подпольных информбюровских групп на протяжении всей их истории. Это рождает у читателя книги твердую уверенность, что автора снабдили данными югославские спецслужбы. Об этом же практически прямым текстом пишет в предисловии к книге историк Чедомир Штрабац⁹⁵. Однако Р. Радоньич нигде не указал источник своей информации, и поэтому историки имели полное право отнестись к ней с недоверием и поставить ее под сомнение. Как бы то ни было, более полной статистики национального, социального и профессионального состава информбюровцев никто не приводил.

В 1987 г. свои данные о масштабе репрессий обнародовал публицист и журналист Д. Маркович. По его сведениям жертвами репрессий стали 16 731 чел., из них 11 694 осуждены в административном порядке и 5037 в судебном. К оценкам Марковича присоединился и известный югославский историк Б. Петранович⁹⁶. Почему числа Марковича превосходят данные Радоньича, до сих пор остается непонятным. Однако есть основания полагать, что два этих автора ближе к истине, чем кто бы то ни было.

Внести ясность в вопрос о численности репрессированных информбюровцев стало возможно лишь после 2009 г., когда хорватский историк И. Косич обнародовал информацию о важной находке в Хорватском государственном архиве. И хотя она представлена в свободном доступе в интернете, на сайте одного из обществ узников Голого острова, внимания на нее пока не обратили⁹⁷

⁹¹ Митровић М., Селинић С. Југословенска информбироовска емиграција у источноевропским земљама, 1948-1964. // Токови историје. – 2009. – № 1-2. – С.32.

⁹² Gabrić A. Navedeno delo. – S.169.

⁹³ Михаиловић Д. Голи оток. – Београд, 1995. – Књ. 3. – С.117.

⁹⁴ Radonjić R. Navedeno delo. – S.79.

⁹⁵ Isto. – S.9-10.

⁹⁶ Marković D. Navedeno delo. – S.17, 79, 229; Petranović B. Navedeno delo. – S.232.

⁹⁷ Kosić I. Navedeno delo. – Режим доступа: <http://www.goli-otok.hr/index.php?task=informbureau&act=ik>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.